

На правах рукописи

Олицкая Дарья Александровна

**РЕЦЕПЦИЯ ПЬЕСЫ А. П. ЧЕХОВА
«ВИШНЕВЫЙ САД» В ГЕРМАНИИ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2004

Работа выполнена на кафедре романо-германской филологии
Томского государственного университета

Научный руководитель - доктор филологических наук
профессор **Ольга Бодовна Кафанова**

Официальные оппоненты - доктор филологических наук
профессор **Анатолий Самуилович Собенников**

кандидат филологических наук
доцент **Людмила Васильевна Круглова**

Ведущая организация – Саратовский государственный университет

Защита состоится «23» декабря 2004 г. в ___ ч. ___ мин. на заседании диссертационного совета Д.212.267.05 при
Томском государственном университете по адресу: 634050 г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета

Автореферат разослан «13» ноября 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
профессор

Л.А. Захарова

Общая характеристика работы

Чехов занимает сегодня особое место в русской и мировой культуре: в XX веке его творчество признано явлением общечеловеческого значения, поэтому его наследие интенсивно изучается как в России, так и за рубежом, вызывая многочисленные дискуссии, находя разнообразную интерпретацию в контекстах различных эстетических, философских, литературных и театральных систем.

В последние десятилетия в условиях возросшего интереса к межкультурной коммуникации значимость приобретает исследование восприятия чеховского творчества в разных культурах. Отечественные и зарубежные ученые особенно активно размышляют о механизме рецепции и адаптации художественного произведения в чужом культурном контексте, что позволяет более целостно осмыслить феномен Чехова в мировом масштабе, с одной стороны, и способствует более глубокому «внутринациональному» усвоению творческого наследия писателя, с другой. В данной диссертационной работе представлена картина восприятия пьесы Чехова «Вишневый сад» в немецком культурном пространстве XX века.

Актуальность работы обусловлена обострившимся вниманием современного литературоведения к проблемам рецептивной эстетики и вопросам национального содержания русской литературы.

В последние десятилетия вопрос о рецепции произведения выводится исследователями на уровень межкультурной, в более широком смысле – межцивилизационной коммуникации, заключающейся в обмене культур своими высшими художественными и философско-эстетическими ценностями. При таком подходе рецепция произведения в инонациональной среде предстает как проблема взаимодействия отдающей и принимающей культур. В результате их «конфликтного» столкновения, требующего от культуры реципиента серьезной герменевтической работы, произведение неизбежно меняется, теряет одни смыслы и приобретает другие, возникшие в новой культурной парадигме. Разные культуры выделяют для себя различные смысловые акценты, от культуры к культуре меняется соотношение национального и инонационального компонентов, исторического и «вневременного».

Драматические произведения Чехова за рубежом переводятся, издаются, ставятся на сцене, интерпретируются исследователями, режиссерами, актерами. При этом неизбежно возникает вопрос о выявлении их инвариантной основы и пределов подвижности их смысловых границ в инонациональных интерпретациях. Такая постановка проблемы требует детального подхода к изучению «судьбы» каждого произведения в инокультурном пространстве.

В настоящее время существует целый ряд исследований, освещающих проблему рецепции чеховского творчества в Германии. Впервые немецкая история восприятия Чехова была представлена в работе слависта Г. Дика (1956)¹. Исследователь пришел к выводу об очень скромном месте писателя в немецком культурном сознании первой половины XX века. Диссертационное сочинение К. Беднарца (1969) освещает историю немецкой театральной рецепции чеховских пьес. Свою первую оценку в нем также получили переводы драматических произведений Чехова, сделанные в Германии до 1966 года. Сценическая судьба пьес русского драматурга представлена также в исследовании П. Урбана «Драматургия Чехова на немецкой сцене» (1997). Некоторые плодотворные замечания о немецкой рецепции чеховской драматургии содержатся в статьях Р.-Д. Клуге (1990) и К. Хильшер (1984). Отдельные аспекты проблемы освещены в работах отечественных исследователей В.Е. Хализева (1987, 1992) и Г.И. Родиной (1997).

Вместе с тем названные труды воссоздают слишком общую картину рецепции чеховской драматургии в Германии, не выявляя индивидуальных особенностей ее вхождения в немецкую культурную среду, что позволяет говорить о необходимости более систематизированного и основательного подхода к проблеме.

Вопрос о судьбе «Вишневого сада» в Германии не был до сих пор объектом специального рассмотрения. В существующих на сегодняшний день исследованиях можно встретить лишь упоминания отдельных фактов «немецкой» биографии произведения, либо анализ некоторых аспектов его переводческой рецепции. Тем не менее, неизменно подчеркивается особое положение «Вишневого сада» как итогового произведения в чеховской драматургии. На сегодняшний день различные аспекты исключительности этой пьесы осмыслены в трудах российских чеховедов Б.И. Зингермана, С.М. Гушанской, Т. Ивлевой, З.С. Паперного, Э.А. Полоцкой, Н.Е. Разумовой, А.С. Собенникова.

«Вишневый сад» признан также многими зарубежными исследователями, деятелями литературы и театра наиболее гармоничным и целостным созданием Чехова. Л. Фейхтвангер считал «Вишневый сад» «самой богатой, зрелой и мудрой» пьесой русского драматурга. Немецкий театральный критик З. Якобсон назвал его «образцом вечной поэзии, который переживет все литературные моды». По мнению известного французского режиссера Ж. Л. Барро, из четырех написанных Чеховым для театра пьес «Вишневый сад» «предлагает самую широкую перспективу обобщения».

¹ Dick G. Čechov in Deutschland. Diss. – Belin, 1956.

Неисчерпаемый интерпретационный потенциал итоговой чеховской пьесы, обусловивший ее долгую жизнь как «во времени», так и «в пространстве», представляется веским основанием для выделения немецкой рецепции «Вишневого сада» в **самостоятельный объект научного исследования**.

Предлагаемое исследование впервые воссоздает целостную картину рецепции «Вишневого сада» в Германии, внося тем самым вклад в изучение вопроса о включении творчества Чехова в немецкий литературный процесс. При этом совокупный образ немецкого «Вишневого сада» высвечивает в пьесе национальные особенности, ее неповторимый русский колорит, в то время как современные российские исследователи драматургии Чехова акцентируют в пьесе интернациональное начало. Таким образом, немецкая рецепция вносит свой вклад в прочтение пьесы, формируя представление об инвариантной основе произведения, заключающей в себе универсальное начало.

Материалом исследования послужил анализ десяти немецких переводов «Вишневого сада», выполненных с 1912 по 1985 гг., в которых нашла отражение как литературная, так и сценическая судьба пьесы. Особый интерес представляет неопубликованный перевод-обработка «Вишневого сада» для сцены Р. Нельте (Noelte), хранящийся в архиве мюнхенского театра «Kammerspiele». Исследование литературоведческой рецепции пьесы потребовало обращения к специальным немецким монографиям В. Дювеля (Düwel), З. Мельхингера (Melchinger), Г. Шмид (Schmid), К. Хильшер (Hilscher), статьям и учебникам по русской литературе А. Брюкнера (Brückner), А. Зерчанинова (Sertschaninow), М. Брауна (Braun), В. Леттенбауера (Lettenbauer). Вместе с тем были привлечены работы по истории и теории драмы Б. Буссе (Busse), Г. Шлага (Schlag), О. Хаузера (Hauser), П. Шонди (Szondi), М. Кестинг (Kesting), а также немецкая справочная литература. Для освещения вопроса о театральной рецепции «Вишневого сада» использовались рецензии и критические статьи, опубликованные на страницах журналов «Schaubühne» «Theater heute» и газет «Berliner Tageblatt», «Süddeutsche Zeitung», «Die Zeit». Все материалы были собраны во время шестимесячной научной стажировки при университете г. Костанц (Германия).

Целью данной диссертационной работы является анализ особенностей немецкой рецепции чеховского «Вишневого сада» в трех ее взаимосвязанных аспектах: критическом, переводческом и театроведческом. В соответствии с этой целью был определен круг конкретных *задач*:

1. Представить целостную картину восприятия «Вишневого сада» А.П. Чехова в Германии;
2. На основе впервые собранного и систематизированного материала исследовать эволюцию литературоведческой и театральной рецепции пьесы;
3. Раскрыть динамику переводческой рецепции «Вишневого сада» и ее связь с основными этапами научно-критического освоения драматического творчества Чехова в Германии;
4. Основываясь на целостной характеристике разных интерпретаций пьесы в Германии, определить особенности ее индивидуально-творческого освоения переводчиками, выявить наиболее репрезентативные с точки зрения художественно-эстетической релевантности немецкие «аналоги» «Вишневого сада»;
5. Уяснить закономерности в подходах немецких переводчиков к воспроизведению чеховского стиля, культурно-исторического контекста пьесы, ее сценической концепции;
6. Показать специфику переводов «Вишневого сада», выполненных для сцены.

В основе **методологии** настоящего исследования лежит системный подход к проблеме восприятия инонационального литературного произведения и метод сравнительно-исторического анализа, необходимые для постановки и научного описания рецепции «Вишневого сада» в Германии. Сопоставительный лингвостилистический анализ подлинника и переводов позволил определить особенности индивидуально-творческого освоения пьесы немецкими переводчиками. В диссертации также использовались элементы герменевтического метода, подразумевающего истолкование текстов в аспекте целостного авторского мировоззрения.

Научная новизна работы определяется тем, что проблема восприятия пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад» в Германии впервые рассмотрена в рамках специального монографического научного исследования.

Во-первых, комплексный подход к решению поставленных задач потребовал привлечения широкого материала, в том числе и впервые вводимого в научный обиход или малоизвестного в российском литературоведении.

Во-вторых, в диссертации поставлен малоизученный в современной науке вопрос о механизме рецепции и адаптации произведения в ином культурном контексте и обозначена рецептивная модель «Вишневого сада» в немецкой культуре XX века.

В третьих, корпус немецких переводов «Вишневого сада» проанализирован с точки зрения соотношения «варианта» и «инварианта» произведения, – одной из ключевых проблем современного литературоведения в контексте межкультурной коммуникации.

В четвертых, немецкие переводы «Вишневого сада», выполненные для сцены, исследованы как сложная переводческая проблема, которая обусловлена «мультимедиальной» природой драматургического текста.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты способствуют более глубокому осмыслению творчества Чехова в контексте русско-немецких литературных связей. Вместе с тем в диссертации затрагивается целый ряд важных аспектов рецептивной эстетики (продуктивность межкультурной коммуникации; смещение и блокировка смыслов произведения при перемещении в чужой культурный контекст) и теории художественного перевода (возможность преодоления барьера «непереводимости»; проблема переводной множественности и творческого начала в художественном переводе).

Практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы при чтении общих курсов по истории русской и немецкой литературы, русско-немецких литературных взаимосвязей, в спецкурсах и спецсеминарах по творчеству Чехова, курсах по теории и практике художественного перевода.

Апробация работы. Отдельные положения диссертации представлены в виде докладов на Общероссийской межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 2002 и 2003); на Юбилейных конференциях «Русская литература в современном культурном пространстве», посвященных 100-летию ТГПУ и 70-летию филологического факультета ТГПУ (Томск, 2000, 2002, 2004); на X Международной научной конференции «Проблемы литературных жанров» (Томск, 2001); на конференции «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики» (Томск, 2004).

Структура работы. Текст диссертации состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 201 наименование, библиографии немецких переводов «Вишневого сада» и критической литературы о пьесе на немецком языке.

Содержание работы

Во **введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность и научная новизна, определяется объект изучения, излагается история вопроса, раскрываются теоретическая и практическая ценность работы, формулируются ее цели, задачи и методологическая основа.

В **первой главе «Критика и литературоведение Германии о “Вишневом саду”»** представлена общая картина немецкой рецепции творчества русского драматурга в конце XIX – первой половине XX века и освещены основные этапы осмысления «Вишневого сада» в немецком литературоведении. В **первом разделе** кратко очерчивается своеобразие раннего восприятия чеховского художественного опыта в Германии, анализируются первые немецкие публикации, посвященные творчеству и личности писателя.

Немецкий литературный портрет Чехова конца XIX века определялся его широкой популярностью как мастера малого жанра. На фоне повышенного интереса к русской литературе чеховские юмористические рассказы часто появлялись на страницах немецкой периодической печати и вскоре стали активно выходить отдельными изданиями. С одной стороны, это способствовало росту интереса читателей и критиков к Чехову, с другой, – ограничивало их представления о возможностях литературного таланта писателя.

С появлением на книжном рынке более зрелых сочинений Чехова в последнее десятилетие XIX века в немецкой литературной критике начала формироваться тенденция, акцентирующая «пессимистическое» начало чеховского творчества. Возникший во многом под влиянием оценок и высказываний русских современников, но попавший в чужой национально-культурный контекст «пессимизм» Чехова истолковывался как особенность личного мироощущения драматурга, а не как отражение общего настроения эпохи.

Преимущественный интерес к Чехову как представителю малых литературных форм и склонность усматривать в его творчестве «пессимистические тенденции» превратились со временем в устойчивое клише, в дальнейшем негативно сказавшееся на восприятии драматических произведений писателя.

Во **втором разделе** обозначены основные тенденции в истолковании чеховской драматургии в немецком литературоведении первой половины XX века, определившие основной фон для восприятия «Вишневого сада».

Первый опыт немецкой рецепции драматических произведений Чехова связан с именем Райнера Марии Рильке, который увидел новаторские черты чеховской драматургии в проникновении трагедийной атмосферы в сферу быденного и прозаического, в необычайно гармоничном сочетании в ней комического и трагического начал. Суждения поэта выглядели особенно перспективными на фоне общего мнения немецких критиков, которые в своем большинстве отказывали Чехову в драматургическом таланте.

Прочно укоренившееся представление о Чехове как талантливом беллетристе, которому не удалось попытаться творить в области драмы, нашло свое отражение в «Истории русской литературы» А. Брюкнера, очень авторитетном издании в Германии начала XX века. Пьесы русского драматурга были истолкованы в нем как облаченные в форму диалога рассказы, в которых отсутствует живое драматическое действие.

Вплоть до 1950-х гг. недооценка чеховской драматургии и игнорирование ее новаторского характера продолжали бытовать и в немецких теориях драмы. Отталкиваясь от универсальной нормы

драматического творчества, основанной на единстве внешнего действия и прямом противоборстве героев, исследователи (Ф. Дюзель, К. Ворманн, А. Керр, Б. Буссе) рассматривали пьесы Чехова как бездейственные и бесконфликтные.

Только немногие немецкие ученые в 1900-20-х гг. признавали высокое художественное значение чеховских пьес и осознавали их подлинное место в истории развития мирового театра. К ним относился, прежде всего, известный театровед Ю. Баб (Bab), практически впервые включивший Чехова в ряд современных представителей «новой драмы» (Метерлинк, Гофмансталь, Стриндберг).

Третий раздел раскрывает эволюцию историко-литературной рецепции «Вишневого сада» в Германии. В первом параграфе характеризуется начальный этап немецкого восприятия пьесы. В 1916 г. в мюнхенском издании «Georg Müller» вышел в свет первый перевод «Вишневого сада». В 1950-е гг. немецким исследователем Г. Диком было установлено его «двойное» авторство: З. Ашкинази был автором дословного перевода, а его окончательный вариант сделан Л. Фейхтвангером.

В 1916 г. вышла статья Л. Фейхтвангера в журнале «Schaubühne», посвященная венской премьере «Вишневого сада» и представляющая первую попытку глубокого критического анализа итоговой пьесы Чехова, в частности ее психологического и символического аспектов.

Однако ни сам перевод «Вишневого сада», ни критическая статья Фейхтвангера не получили никакого отклика у немецких литературных критиков. На фоне неблагоприятного политического, общественного и культурного климата, сложившего в Германии в период между двумя мировыми войнами, отсутствие интереса к чеховской пьесе выглядело закономерным. Движение восприятия творчества писателя (от его прозы к драматургии) было прервано военным кризисом. После войны преимущественное внимание немецкого литературного мира уделялось творчеству русских прозаиков. В связи с этим в рецепции произведений Чехова вновь обозначился явный интерес к хорошо знакомым публике ранним рассказам. В связи с этим критика того времени крайне редко обращалась к «Вишневому саду», причем главным образом в общих обзорах чеховской драматургии.

Второй и третий параграфы освещают особенности послевоенного этапа немецкой рецепции «Вишневого сада». Изменение общественно-политической обстановки после второй мировой войны повлекло за собой пересмотр отношения к чеховским пьесам и особенно «Вишневому саду» как наименее исследованной пьесе.

В новообразованной ГДР под влиянием биографии Чехова, написанной советским исследователем В. Ермиловым, укоренилась преувеличенно оптимистическая трактовка «Вишневого сада» с особым акцентом на его идейном содержании и социально-критических моментах. Пьеса прочитывалась как обличительная сатира на вырождающийся класс дворянства и оптимистический призыв к будущему.

Наиболее яркое отражение переоценка чеховской пьесы нашла в монографии «Антон Чехов – поэт утренней зари» восточногерманского слависта В. Дювеля (1961). Господство социологического подхода просматривалось в явно тенденциозном освещении чеховской характерологии и примитивном истолковании конфликта.

Значительный вклад в оптимистическое истолкование чеховской пьесы в ГДР внес классик немецкой литературы Т. Манн, подчеркнувший в своем эссе «Versuch über Tschechow» общественно-политическую остроту «Вишневого сада» как произведения, в котором «блестяще открывается взгляд писателя на гордое, свободное и активное человеческое сообщество будущего».

В прямо противоположном направлении развивался процесс восприятия «Вишневого сада» в ФРГ. Западногерманские литературоведы и критики считали социально-оптимистический пафос пьесы преувеличенным и надуманным. При этом они часто тяготели к другой крайности, полностью игнорируя исторический и общественно-политический контекст произведения. Это обусловило возвращение историков литературы ФРГ 1940-50-х гг. к сложившимся еще в 1920-30-е гг. представлениям о «недраматичности» пьес Чехова (В. Леттенбауер), о «холодной индифферентности» его искусства (А. Штендер-Петерсен). Пьеса не стала в это время самостоятельным объектом изучения западногерманских исследователей, а лишь рассматривалась в ряду других драматических произведений Чехова преимущественно с точки зрения ее особой символики. Настойчиво отрицалось наличие в «Вишневом саду» всякого общественного оптимизма, а конфликт драмы сводился к сугубо личным переживаниям героев.

Таким образом, послевоенные интерпретации «Вишневого сада» несли заметный отпечаток противостояния двух политических систем, сложившихся после раскола Германии.

Принципиально важной работой в истории восприятия «Вишневого сада» в Германии стала монография З. Мельхингера (1968)², рассматриваемая в четвертом параграфе первой главы. Это исследование выводило рецепцию чеховского драматического творчества на качественно новый уровень, включая его в широкий контекст мирового театра. Чехов был назван одним из величайших драматургов и поставлен в один ряд с древнегреческими трагиками, Шекспиром и Шиллером, Брехтом и Лоркой.

² Melchinger S. Tschechow. – Hannover, 1968.

Мельхингер стремился к более глубокому постижению поэтики чеховского итогового произведения, расширению узких рамок его привычного истолкования. Он впервые обратился к вопросу о воплощении динамики времени в «Вишневом саде», тем самым, открыв новые перспективы восприятия пьесы в Германии. Подвергнув критике узкое «классовое» понимание временного контекста в драме, исследователь подчеркнул, что чеховское изображение времени в «Вишневом саде» носило характер философского осмысления социальных процессов.

Пятый параграф характеризует современный этап освоения «Вишневого сада» в немецком литературоведении. В 1970-е гг. началось плодотворное научное осмысление драматических произведений Чехова в Германии. Опыт русского драматурга рассматривается в многочисленных серьезных и глубоких исследованиях, посвященных специфике драматического рода литературы, при этом немецкие ученые стремятся выделить признаки неповторимости чеховского типа драмы. В связи с восприятием именно «Вишневого сада» особого внимания заслуживает диссертация Герды Шмид, разрабатывающая теорию драмы непосредственно на основе художественного опыта Чехова. Это работа явилась отражением одной из тенденций в немецком литературоведении 1960-70 гг., выражающейся в повышенном интересе к русской формальной школе и структурному методу анализа художественного текста. Итоговая пьеса русского драматурга была рассмотрена как образец нового типа драмы, драмы ситуации, где действие как конструктивный фактор, несущий смысловое единство, перестает играть решающую роль.

Активное изучение драматических произведений Чехова в Германии было продолжено и в 1980-е гг. В 1986 г. в Дюссельдорфе вышел сборник статей о русской драме, в котором высоко оценивалась роль чеховских пьес для развития современного театра. Статья, посвященная непосредственно «Вишневому саду», освещала несколько очень важных для его понимания аспектов: В частности, были затронуты вопросы о жанровой специфике итоговой пьесы Чехова и ее широком и многогранном содержании, в котором очень тесно переплетены сферы личного, общественного и общечеловеческого, вечного.

Благодаря серьезному научному исследованию чеховского драматического наследия, начавшемуся в Германии в конце 1970-х гг., в рецепции «Вишневого сада» был сделан значительный шаг вперед по пути всестороннего изучения и осмысления пьесы, и была в значительной степени преодолена узость ее вульгарно-социологической трактовки.

Вторая глава «История театральной рецепции “Вишневого сада” в Германии» выявляет основные направления в прочтении чеховской пьесы в немецком театре и особенности ее восприятия в немецкой театральной критике. В **первом разделе** рассматриваются сценические интерпретации «Вишневого сада», появившиеся в 1910-50-е гг.

В первом параграфе исследуется опыт критической рецепции «Вишневого сада» немецким писателем Л. Фейхтвангером, связанный с театральной премьерой пьесы в Германии (1916). В своей статье в журнале «Schaubühne» он смог одним из первых по достоинству оценить новаторство драматургической поэтики Чехова. В отличие от многих других немецких критиков того времени, констатировавших несоответствие «Вишневого сада» общепринятым законам драматического жанра, Фейхтвангер увидел в пьесе предпосылки для обновления самого жанра драмы, ее иную, в сравнении с общепризнанными представителями «новой драмы» (Ибсен, Стриндберг), «технику исполнения» («полутона и приглушенные движения» вместо «громких криков и преувеличенной жестикуляции»).

Новые аспекты поэтики «Вишневого сада» и в целом чеховской драматургии открыла для театральных критиков берлинская постановка пьесы (1918), рассматриваемая во втором параграфе. Именно практики театра, искавшие продуктивный подход к такому сложному произведению, как «Вишневый сад», нуждались в осмыслении внутренних законов художественного мира драмы Чехова. Поэтому они заостряли внимание на наиболее «нетипичных» для традиционной драмы моментах, давая импульс для их активного обсуждения. В первую очередь они делали акцент на сложной и «нестабильной» чеховской характерологии (S. Jakobsohn, A. Lapp, A. Polgar), для сценического воплощения которой немецким режиссерам и актерам не удавалось найти соответствующего подхода.

Третий параграф посвящен мхатовской постановке «Вишневого сада» в Германии (1920), которая имела большое значение для театральной истории восприятия пьесы. После первых триумфальных гастролей в 1906 г. К.С. Станиславский пользовался у немецких театралов огромным авторитетом, и его сценические интерпретации чеховских пьес, ориентированные на концепцию театра настроения, считались наиболее достоверными.

Мхатовский «Вишневый сад» классическим каноном вошел в постановочную практику, в значительной степени повлияв на опыт прочтения пьесы на немецкоязычной сцене в период с 1920-х по 1960-е гг. Прежде всего это касалось ее жанровой специфики, требующей от режиссеров особенной чуткости восприятия. Восторгаясь мастерством Станиславского, немецкие театроведы безоговорочно приняли его трактовку «Вишневого сада» как глубоко серьезного произведения, имеющего трагическую доминанту. В связи с этим почти во всех немецких постановках пьесы, увидевших свет до 1965 г., комедийное начало, заявленное самим автором, оставалось не раскрытым.

Четвертый параграф освещает судьбу «Вишневого сада» в гитлеровской Германии и после раскола страны. В 1920-е гг. в Германии не нашлось режиссера, готового соперничать со Станиславским. С 1928 г. и до захвата власти Гитлером на немецкую сцену не попала ни одна из больших драм Чехова. Ситуация изменилась лишь в 1939 году после заключения пакта Германии и СССР о ненападении. Первая после двадцатилетнего перерыва постановка «Вишневого сада» в «Deutsches Theater» (1939) стала тогда для немецких театров своего рода новой точкой отсчета в истории восприятия драматургии Чехова, так как вслед за ней в репертуары театров начали возвращаться и другие чеховские пьесы.

Примечательным явилось то, что в критических откликах на постановку полностью отсутствовала политическая оценка. Немецкие критики воспринимали «Вишневый сад» в первую очередь как одну из наиболее гармоничных пьес Чехова, в которой художественное мастерство автора достигло своего наивысшего уровня. При этом особое внимание уделялось необычной природе комического в «Вишневом саду» (Н. Dizens Schmidt).

На послевоенный период пришелся новый виток интереса к пьесе в немецком театре. С 1945 г. «Вишневый сад» ставился чаще других больших драм Чехова. Но раскол Германии на два государства не мог не отразиться на культурных процессах, в том числе и в театральной жизни. Поэтому данный этап рецепции «Вишневого сада» на немецкой сцене характеризовался ярко выраженной политической окрашенностью.

После неудавшейся попытки провозгласить Чехова наряду с Горьким революционным писателем, представителем социалистического реализма, пьеса быстро исчезла из репертуара театров ГДР как не соответствующая лозунгам тех лет. Напротив, на сценах театров ФРГ постановки «Вишневого сада» появлялись намного чаще, но исключительно в составе «исторического» репертуара. Трактовка пьесы замыкалась на изображении экзотических для немецкого зрителя картин русского быта (на сцене обязательно присутствовал самовар или иной национальный атрибут русской жизни) и практически не затрагивала ее внутренних психологических коллизий.

В контексте прочтения «Вишневого сада» на немецкой сцене, основанного на «методе Станиславского», следует выделить постановку П. Шароффа (1958). Режиссер впервые попытался приблизиться к оригинальному жанру пьесы, обозначенному автором как комедия. Своим спектаклем он опровергал общепринятое мнение театральных и литературных критиков о пессимистичном Чехове, с которым не был согласен. В его постановке «Вишневого сада» преобладали комедийно-фарсовые тона и гротесковые мотивы.

Версия Шароффа стала первым приглашением к спору о жанровой уникальности последней чеховской пьесы, о соотношении и взаимодействии в ней комического и трагического начал. Полноценная дискуссия по этому вопросу состоялась лишь спустя несколько десятилетий, в 1980-90-е гг.

Второй раздел посвящен немецким постановкам «Вишневого сада», лежащим в русле интерпретаторского прочтения пьесы.

Только к середине 1960-х гг. в немецком театре сложились определенные предпосылки для пересмотра рецепции чеховской драматургии. Впервые за всю историю восприятия творчества Чехова в Германии наметилось смещение акцентов в сторону его драматического наследия, что нашло свое отражение и в возросшем количестве изданий его пьес, и в необычайно высоком интересе к ним театральных режиссеров. К этому времени Чехов уже вошел в немецкую историю и теорию драмы как писатель, чьи пьесы предвосхитили театральное искусство XX века.

Еще более активному обновлению взгляда на чеховскую драматургию способствовала смена поколений в немецком театре. Молодые режиссеры П. Штайн (Stein), П. Цадек (Zadeck), возглавившие известные театры Германии, обратились к мировому постановочному опыту, тем более что во Франции, Италии и Англии пьесы Чехова давно заняли подобающее место на сцене.

Серьезными импульсами для дальнейшего развития дискуссии о современном сценическом прочтении пьес Чехова в немецком театре стали новые постановки «Вишневого сада» (П. Цадека, 1968; Р. Нельте, 1970; Г. Литцау, 1970; О. Крейчи, 1976), выполненные в русле современного направления - «театра режиссера».

При индивидуальном подборе художественно-эстетических средств выражения эти режиссеры стремились отделить чеховскую пьесу от ее «образа», созданного Станиславским. Вторая определяющая тенденция выражалась в поиске в «Вишневом саду» некоего универсального содержания, в «глобализации конфликта». Интерпретаторское видение пьесы сопровождалось также довольно резким вмешательством в оригинал, переакцентировкой авторского текста, что во многом отражало субъективный взгляд на Чехова. Тем не менее, эти постановки освобождали чеховский «Вишневый сад» от узких рамок его привычного соотношения с позитивистскими натуралистическими веяниями конца XIX века, открывая пространство для современного прочтения.

Начало 1980-х гг. для немецкого театра было ознаменовано событием мирового масштаба - парижской премьерой «Вишневого сада» в постановке П. Брука (1981). Этот ценный постановочный опыт активно анализировался немецкими режиссерами и театральными критиками. Особое внимание при этом

они уделяли амбивалентной сущности персонажей, а также причудливому психологическому рисунку чеховских образов, так мастерски воспроизведенному П. Бруком на сцене. Работа режиссера внесла существенные коррективы в репутацию легкомысленной женщины, закрепившейся за Раневской на немецкой сцене. В постановке Брука легкомыслие героини уравновешивалось порывами искреннего глубокого чувства, ее беспечная радость чередовалась с отчаянием, смех со слезами, эгоизм с добротой. Все это раскрывало характер Раневской с новой стороны, давая значительный импульс для его переосмысления в немецком театре.

Свидетельством продолжающегося поиска «ключа» к чеховской поэтике является широкий идейно-стилевой диапазон современных постановок «Вишневого сада» в Германии. И сегодня пьеса предоставляет режиссерам огромное пространство для самых разнообразных интерпретаций и оценок, но одновременно требует от них особенно внимательного прочтения и чуткости.

В последнее десятилетие предметом пристального внимания стала сложная жанровая природа итогового чеховского произведения. Наглядным примером того, как расстановка новых акцентов может изменить общее звучание пьесы, служат две постановки «Вишневого сада» одного из крупнейших немецких режиссеров – П. Штайна, в основе которых лежат разные жанровые доминанты. Первый «Вишневый сад» (Берлин, 1989) был проникнут искренним сочувствием к Раневской и Гаеву – хозяевам имения, чья эпоха, олицетворением которой был вишневый сад, прошла. В безоговорочности симпатий режиссера позволяла усомниться только легкая ирония в трактовке образов этих героев, которые, даже переживая катастрофу, не забывали об изяществе манер.

Результат размышлений режиссера над жанровой спецификой пьесы выразился во второй постановке «Вишневого сада» (1995), в которой обилие комедийно-фарсовых сцен иногда ставило под сомнение драматическое начало произведения.

В третьей главе «Переводческая рецепция чеховской пьесы в Германии» анализируются переводы как важнейший фактор творческого восприятия и осмысления инонационального произведения. В **первом разделе** дана характеристика первого немецкого перевода «Вишневого сада», выполненного З. Ашкинази (Aschkinazy) и Л. Фейхтвангером. Этот перевод отразил очень важную тенденцию, характерную для раннего этапа рецепции драматургии Чехова в Германии. Ее можно обозначить как «опосредованное» восприятие, а заключалась она в том, что «образ» чеховских пьес в сознании немецкой критики формировался не через прочтение оригинала, а как сумма впечатлений от постановки Станиславского. Свое самое непосредственное выражение данная тенденция нашла в выборе источника для первого перевода «Вишневого сада» (он выполнен по обработке пьесы для постановки в МХТ).

Перевод Ашкинази-Фейхтвангера обозначил также моменты несовпадения чеховских принципов построения драмы с традиционными представлениями об этом жанре, которые на протяжении многих десятилетий являлись причиной неприятия драматургического опыта русского писателя немецкими исследователями. Переводческие трансформации текста «Вишневого сада» как раз «подтягивали» пьесу к классической драме. Это проявлялось в дополнительном делении «Вишневого сада» на «явления», добавлении описательных ремарок, акцентирующих изображение «нравов» и подчеркивающих «экзотический» характер действия, а также в упрощенной характеристике действующих лиц, разделяющей их на «героев» и «антигероев». Одним из недостатков перевода Ашкинази-Фейхтвангера была «неестественность», возникающая из-за неадекватного использования стилистических средств и нарушения языковой нормы.

Во втором разделе исследуются особенности немецкой переводческой рецепции «Вишневого сада» в 1940-60-е гг. Первый послевоенный перевод пьесы вышел в свет в 1947 г. в московском издательстве иностранной литературы под авторством Х. Ангаровой (Angarowa). Благодаря этому переводу немецкие читатели впервые получили возможность на родном языке ознакомиться с текстом «Вишневого сада», целостность которого была полностью сохранена. Без каких-либо изменений были воспроизведены оригинальная четырехактная структура пьесы и авторские ремарки, играющие важнейшую роль в установлении связей между автором и читателем.

Благодаря соблюдению критерия точности Ангаровой удалось в большинстве случаев воссоздать средствами немецкого языка систему доминирующих признаков чеховского стиля, что значительно приблизило звучание переводного текста «Вишневого сада» к его оригиналу. Переводчица по возможности следовала синтаксическому строю предложений и пунктуации подлинника, старалась воспроизвести особенности авторского выбора частей речи и не пренебрегала многочисленными повторами.

Принципиально иная позиция Ангаровой в сравнении с более ранними переводчиками «Вишневого сада» заключалась и в сохранении оригинального культурно-исторического фона произведения, которое требовало применения соответствующих стратегий при переводе специфически окрашенной лексики, в изобилии присутствующей в пьесе. Отдельные недостатки этого перевода (к ним следует отнести, например, не всегда удачное переложение лексической ткани оригинала) в полной мере компенсирует его содержательная и стилистическая близость к тексту оригинала.

Однако немецкий перевод «Вишневого сада», выполненный Ангаровой, оказался несколько преждевременным, так как не вписывался в существовавшие в 1940-50-е гг. в немецкоязычном литературном и театральном мире рамки классического, исторического, наконец, «бытового» прочтения пьесы. Он приглашал к диалогу о Чехове как драматурге, «важнейшим достоинством которого является точность», тем самым, ставя под сомнение прежние трактовки его драматургии в Германии. Поэтому художественные достоинства текста Ангаровой были оценены значительно позже, лишь в конце 1960-х гг., когда впервые за всю историю немецкого восприятия драматургии Чехова в Германии был поднят вопрос о качестве переводов его произведений на немецкий язык.

Самым популярным переводчиком чеховских пьес в Германии 1950-60-х гг. стал Й. фон Гюнтер (Günther), благодаря многочисленным переизданиям его переводов. К чеховским произведениям Гюнтер впервые обратился в 1922 г., пьесы же русского драматурга в его переводе вышли сначала отдельными книгами в Лейпциге, а позже вошли в трехтомное западногерманское собрание сочинений Чехова, изданное переводчиком. Оценки, данные гюнтеровским переводам немецкими критиками и исследователями, были парадоксальными: самые авторитетные и играемые в 50-60-е гг. немецкие тексты чеховских драм оказались самыми неудачными и самыми далекими от оригинала.

«Вишневый сад» стал первым опытом переложения Гюнтером на немецкий язык произведения из драматического наследия Чехова. Лингвостилистический анализ перевода позволил сделать вывод о том, что в нем значителен произвол переводчика. Этот немецкий вариант «Вишневого сада» в большей степени отражал доминирующие черты индивидуального переводческого, чем авторского стиля, и, таким образом, лишь повторял принципы довоенных немецких переводов последней пьесы Чехова (Ашкинази и Шольца).

Гюнтер следовал «традиции» дробления пьесы на выходы, свободно вносил изменения в авторские ремарки, «игнорировал» стилистические, лексико-синтаксические, композиционные и другие особенности подлинника. Значительная трансформация, которой подвергся язык диалогов «Вишневого сада» в его переводе, привела к утрате элементов, важных для реализации драматургической концепции пьесы. В тех же случаях, когда переводчик точно следовал оригиналу, речь шла лишь о «буквалистской», механистической точности, не предполагающей творческой работы по «пересозданию» оригинала на языке перевода по принципу художественно-эстетической релевантности текстов.

Особое место в истории переводческой рецепции «Вишневого сада» в Германии занимают переводы пьесы, выполненные специально для сцены. Это переводы-обработки, в которых значительные отступления от оригинала являются отражением сугубо личного восприятия произведения режиссером или переводчиком. Они также в определенной степени выражают «запросы времени» и изменяющиеся требования, предъявляемые к чеховской драматургии на разных этапах развития немецкого театра.

Опыт творческого экспериментирования с оригиналом пьесы, далеко выходящий за рамки ее «традиционного» переводческого прочтения, представляет перевод «Вишневого сада», выполненный режиссером Р. Нельте (1970). Его задача как переводчика заключалась в том, чтобы поместить чеховскую пьесу в рамки собственной постановки, в результате чего она претерпела значительную трансформацию. Ее текст был значительно сокращен, лишен целого ряда музыкально-лирических и комических моментов. Так, в переводе исчезли звуки пастушьей свирели, пение и игра Епиходова на гитаре, звук лопнувшей струны. Вместе с тем Епиходов, входя, не роняет букета и не натывается на стул; Пищик не начинает храпеть на полуслове; Прохожий не декламирует стихотворение; Лопухин не получает удара палкой от Вари. Режиссер также сознательно нарушил принципы организации пространства, положенные автором в основу пьесы: действие второго акта перенесено в переводе в дом, бал в третьем акте из гостиной перемещен в детскую и т.д.

Подобноевольное обращение Нельте с оригиналом «Вишневого сада» делает нецелесообразной постановку вопроса об адекватности перевода. Он отражал сложившуюся в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в немецком театре ситуацию, когда каждый режиссер искал индивидуальный подход к Чехову, отталкиваясь от своего личного восприятия и понимания чеховского мира, а потому результаты получались более чем противоречивые.

В третьем разделе рассматриваются немецкие переводы «Вишневого сада», выполненные в 1970-80-х гг.

Рецепция чеховского творчества в Германии последнего двадцатилетия прошлого века неразрывно связана с именем немецкого слависта и переводчика П. Урбана (Urban). Выполненный им перевод «Вишневого сада» вышел во франкфуртском издательстве «Verlag der Autoren» в 1970 г. От более ранних немецких изданий пьесы это новое отличалось тем, что в структуру книги кроме непосредственно текста перевода были включены различного рода комментарии, предоставлявшие читателям все необходимые сведения для более глубокого осмысления произведения инонационального автора (справка об истории создания «Вишневого сада», лингвистический и культурно-исторический комментарий, позволяющие разобраться в многочисленных реалиях и тонкостях русского языка).

Принципиально новый переводческий подход Урбана к чеховской пьесе заключался и в том, что при передаче целого он бережно относился к переводу каждой детали текста подлинника. Точность

(смысловая, стилистическая, контекстуальная) при подборе эквивалентов лексических единиц, достижение в переводе функционального подобия ритмико-синтаксического рисунка позволили переводчику воспроизвести индивидуальные речевые характеристики действующих лиц «Вишневого сада» и воссоздать средствами немецкого языка простой и естественный язык чеховских диалогов.

Перевод Урбана расценивается как наиболее удачный немецкий «аналог» «Вишневого сада», так как отвечает не только требованиям, предъявляемым в целом к художественному переводу, но и соответствует особым критериям перевода драматического, главным из которых является сценичность. Легко произносимый текст перевода Урбана, сохранивший в себе так называемые «игровые моменты», вложенные Чеховым в реплики персонажей (импульсы к актерским жестам, движениям, мимике), активно используется современными немецкими режиссерами в качестве основы для театральных постановок «Вишневого сада».

Развитие театра требует, чтобы даже наиболее часто исполняемые классические пьесы издавались в нескольких переводах с различными трактовками. В связи с этим, вполне закономерно, что такое сложное для интерпретации произведение, как «Вишневый сад», вновь и вновь привлекает внимание немецких переводчиков. В 1985 г. в Германии была опубликована новая редакция итоговой чеховской пьесы, выполненная Т. Брашем (Brasch), который соединяет в себе личность драматурга и переводчика, что, безусловно, является одной из важных предпосылок для продуктивной работы над переводом драматического произведения.

Воссоздание эквивалентного текста «Вишневого сада» изначально не являлось первоочередной задачей для Браша. На это указывает подзаголовок «Übersetzt und bearbeitet» (Переведено и обработано), заранее настраивающий читателя на возможные несовпадения с текстом подлинника. Анализ перевода показал, что такие несовпадения появляются, прежде всего, там, где Браш пытается интерпретировать оригинал, вкладывая в текст перевода «информацию» о своем видении чеховских героев и их взаимоотношений. Например, в истолковании переводчиком многих образов пьесы (особенно Лопухина и Трофимова) просматривается стремление выделить и подчеркнуть черты определенного социального типа, а не индивидуального характера.

Несомненным достоинством перевода «Вишневого сада» Браша является живой и современный язык, что приобретает особое значение в условиях сценической реализации драматического текста. Но в то же время, стремясь к сценичности в этом понимании, Браш уходит от требования верности оригиналу, нередко пренебрегая авторскими языковыми средствами выражения (например, повторами, выполняющими у Чехова различные функции, в том числе и смыслообразующую).

По принципу отношения к авторскому тексту перевод «Вишневого сада», выполненный Брашем, во многом близок переводу Нельте. Их объединяет прежде всего то, что оба переводчика руководствовались своим интерпретаторским видением пьесы, изначально не ставя перед собой задачу адекватного воспроизведения подлинника.

Перевод «Вишневого сада» Браша, является ярким свидетельством того, что и на современном этапе переводческой рецепции пьесы в Германии она представляет собой необыкновенно широкое пространство для самых разнообразных мнений и оценок, вновь и вновь побуждая переводчиков искать возможности реализации ее огромного интерпретационного потенциала.

В заключении подводятся основные итоги исследования:

1. Процесс критического освоения «Вишневого сада» в Германии включен в общий контекст немецкого восприятия драматического наследия Чехова. «Немецкая» судьба «Вишневого сада» отражает эволюцию взглядов критиков и исследователей, которая характеризуется движением от истолкования пьес Чехова как не соответствующих законам драматургического творчества к признанию всемирной значимости открытий Чехова-драматурга.

2. Основные направления сценического прочтения пьесы в Германии определяются тенденциями развития немецкого театра. В первой половине XX века определяющим подходом режиссеров к «Вишневому саду» являлся «метод Станиславского», в 1970-е годы в контексте обращения немецких режиссеров к мировому постановочному опыту сложилось «интерпретаторское» направление, предполагающее реализацию в постановке индивидуальной режиссерской концепции Чехова.

3. Историко-литературная история «Вишневого сада» в Германии и его театральная рецепция повлияли на характер переводческой трактовки пьесы. Малоизученность феномена чеховской драматургии нашла отражение в переводах «Вишневого сада» (1910-1960), которые характеризовались значительным искажением авторских установок, негативно влияющим на полноценное восприятие произведения немецким читателем.

4. Наиболее репрезентативным немецким «аналогом» «Вишневого сада» в немецкой культуре является перевод П. Урбана, сочетающий в себе точность и художественную целостность, которые позволяют донести до читателя своеобразие чеховской поэтики и раскрыть глубину авторского замысла.

Изучение немецкой рецепции «Вишневого сада» позволило также рассмотреть актуальные проблемы рецептивной эстетики и художественного перевода. Представленная в диссертационном

исследовании история «немецкого» «Вишневого сада» показывает, что большая степень «смещенности смыслов» свойственна самому неблагоприятному периоду рецепции пьесы в фашистской и послевоенной идеологически расколотой Германии, поскольку в тоталитарных культурах происходит блокировка смыслов. В последние 20-25 лет, в результате преодоления идеологической тенденциозности, затруднявшей прочтение пьесы Чехова как в Германии, так и России, происходит сближение в ее интерпретации: в культуре с естественным развитием «Вишневый сад» начинает восприниматься не столь отлично от того, как он понимается в национальном, российском контексте.

Переводы стареют, как стареют оригинальные произведения, потому что создаются на постоянно меняющемся человеческом языке. При этом переводы стареют, как правило, намного быстрее оригиналов в силу их вторичности. Этим объясняется множественность немецких переводов «Вишневого сада».

Работа завершается изложением перспектив дальнейшего изучения поставленной проблемы.

Основные положения работы отражены в следующих **публикациях**:

1. Олицкая Д.А. Пьеса А.П. Чехова «Вишневый сад» в Германии (проблемы перевода) // Русская литература в современном культурном пространстве. Материалы юбилейных конференций, посвященных 100-летию Томского государственного педагогического университета и 70-летию филологического факультета ТГПУ. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2001. – С. 55-60.
2. Олицкая Д.А «Вишневый сад» А.П. Чехова в современных немецких постановках: на пути к синтезу // Проблемы литературных жанров. Материалы X Международной научной конференции. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – Ч. 1. – С. 398-401.
3. Олицкая Д.А Особенности сценического перевода (из немецкой рецепции «Вишневого сада» А.П. Чехова) // Русская литература в современном культурном пространстве. Материалы II Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию ТГПУ. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2003. – Ч. 1. – С. 146-151.
4. Олицкая Д.А Дискуссия об одной немецкой театральной интерпретации «Вишневого сада» А.П. Чехова // Наука и образование. Материалы VI Общероссийской межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2003. Т. 2. – С. 215-217.
5. Олицкая Д.А Первый немецкий перевод драмы А.П. Чехова «Вишневый сад» // Наука и образование. Материалы VII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2003. Т.2. – С. 101-105.
6. Олицкая Д.А Смыслообразующая роль «семантических контекстов» персонажей (на материале немецких переводов «Вишневого сада» А.П. Чехова) // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики. Сб. трудов молодых ученых. – Томск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 5. – Ч. 1. – С. 117-121.
7. Олицкая Д.А П. Урбан – переводчик Чехова (к истории восприятия чеховской драматургии в Германии) // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (филология). – Томск, 2004. – Вып. 3. – С. 62-65.
8. Олицкая Д.А Феномен интерпретации пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад» в первом немецком переводе // Наука и образование. Материалы VIII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (с международным участием). – Томск: Изд-во ТГПУ, 2004. Т. 2. – Ч. 1: Филология. – С. 195-200.